

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

УДК 159.922
ББК Ю953

ГСНТИ 14.35.07

Код ВАК 13.00.01

Злоказов Кирилл Витальевич,

кандидат психологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общей психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России; 198515, г. Санкт-Петербург, пос. Стрельна, Санкт-Петербургское шоссе, д. 17; e-mail: zkriit@yandex.ru

Колмыкова Татьяна Ильинична,

курсант, факультет подготовки следователей, Уральский юридический институт МВД России; 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66; e-mail: t.colmykova@yandex.ru

Рыбьякова Екатерина Алексеевна,

курсант, факультет подготовки следователей, Уральский юридический институт МВД России; 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66; e-mail: katya.rybyakova@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАВЕРСИИ, НЕЙРОТИЗМА И ПСИХОТИЗМА НА ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ ОБ УГРОЗЕ ЗДОРОВЬЮ, РЕПУТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОМУ СТАТУСУ¹

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная угроза; восприятие угрозы; черты личности; психология личности; экстраверсия; нейротизм; психотизм.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению влияния психологических черт личности на восприятие информации об опасности. Актуальность работы обусловлена увеличением частоты применения угроз в сети Интернет для манипуляции сознанием и поведением человека. В крайних формах своего использования угрозы способствуют совершению преступлений корыстной и экстремистской направленности. Профилактика этих явлений невозможна без комплексного изучения феномена угрозы, поиска ее лингвистических, семантических и психологических экспликаций. Слабо изученным остается эффект воздействия информационной угрозы на восприятие и поведение человека. В работе обсуждаются процедура и результаты экспериментального исследования, в котором испытуемым предъявлялись три информационных сообщения с угрозой здоровью, потери социального статуса, репутации. Испытуемыми являлись 70 студентов (52 % мужчины, $M=20$, $\sigma=1,1$). Изучалось влияние экстраверсии, нейротизма и психотизма на восприятие и интерпретацию угроз: 1) здоровью, 2) потери социального статуса, 3) репутации. Оценка выполнялась без учета эффектов взаимовлияния психологических черт. Полученные результаты свидетельствуют о специфическом влиянии психологических черт на восприятие угрозы, при этом результаты данного исследования согласуются с современными представлениями о роли экстраверсии, нейротизма и психотизма в поведении человека и расширяют их. Установлено, что экстраверсия способствует точному пониманию угрозы, высокий уровень интроверсии затрудняет запоминание параметров угрозы, искажает ее смысл. Различий в стратегиях противодействия угрозе между экстравертами и интровертами в эксперименте не установлено. Нейротизм статистически значимо влиял на точность восприятия угрозы здоровью. Чем выше был уровень нейротизма, тем труднее испытуемые запоминали угрозу и понимали ее смысл, в процессе интерпретации они чаще додумывали, чем воспроизводили ее характеристики. Высокий уровень нейротизма сопрягался с убеждениями о собственной беспомощности, подверженности болезни, неспособности ее избежать или противостоять ей. Фактор психотизма способствовал точному восприятию угрозы потери репутации по сравнению с угрозами здоровью или социальному статусу. Также установлено, что лица с высоким уровнем психотизма эффективнее противодействуют угрозам их чести и достоинству.

Zlokazov Kirill Vitalievich,

Candidate of Psychology, Associate Professor, Senior Lecturer of Department of General Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia.

Kolmykova Tatiana Ilynichna,

Cadet, Faculty of Investigators, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

Rybyakova Ekaterina Alekseevna,

Cadet, Faculty of Investigators, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

EXTROVERSION, NEUROTICISM AND PSYCHOTICISM INFLUENCE ON PERCEPTION OF POTENTIAL THREAT TO HEALTH, REPUTATION AND SOCIAL STATUS

KEYWORDS: informational threat; threat perception; traits of personality; psychology of person; extroversion; neuroticism; psychoticism.

ABSTRACT. The paper studies the influence of some psychological traits of person on perception of potential threat. The urgency of this research is determined by the frequent appearance of different threats in the Internet to manipulate people's behavior and emotions. The extreme forms of threat may induce to crimes and extremism. It is impossible to take preventive measures without complex study of the phenomenon of

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02102).

threat, and without detailed analysis of its linguistic, semantic, and psychological manifestations. The effect of threat produced on perception and behavior of a person is not analyzed well enough. This paper describes the procedure and discusses the results of the experiment, in which the testees were given three messages containing threat to health, social status and reputation. Seventy students took part in the experiment (52 % – male, $M=20$, $\sigma=1,1$). We analyzed the influence of extroversion, neuroticism and psychoticism on perception of threat to: 1) health, 2) social status, 3) reputation. We didn't take into account the effect of mutual influence of these psychological traits. The results prove specificity of psychological traits influence on threat perception and they conform to modern interpretation of the role of extroversion, neuroticism and psychoticism in person's behavior and even expand them. It is found that extroversion makes it difficult to memorize the parameters of threat and distorts its meaning. But the experiment revealed that reaction to threat of extroverts and introverts is almost the same. Neuroticism influenced the accuracy of threat to health perception. The higher the level of neuroticism, the more difficult it was for the students to memorize and understand the threat; they often interpreted it as they wanted but didn't describe its features. High level of neuroticism was accompanied by the belief of helplessness and inability to cope with the threat. The factor of psychoticism caused precise understanding of the threat to reputation, but it didn't do so with the threat to health and social status. It is proved that psychotic people act more efficiently to resist threat to their honor and dignity.

Окружающее человека информационное пространство в последние годы становится все более насыщенным. Интернет-среда максимально сближается с человеком, удовлетворяет его потребности в поиске информации, общении и развлечении. Но виртуальное информационное пространство не является нейтральным по содержанию. Зачастую оно оказывает целенаправленное воздействие на пользователя. Наряду с применением цветowych, звуковых эффектов для управления вниманием пользователя используется специально подготовленная информация. Особое место занимает информация об угрозах и опасностях [9]. Тексты такого рода прочитываются в первую очередь и стимулируют дополнительные действия: переход по ссылке, скачивание файлов, заполнение форм. Риск подвергнуться опасности оказывает воздействие, под влиянием которого человек совершает некие предсказуемые действия. Эта особенность реагирования на опасность в интернет-среде активно эксплуатируется. К примеру, в интернет-маркетинге апелляция к страху, возбуждение переживаний тревоги у потребителя используются для стимулирования продажи товара [14].

Наряду с легитимными действиями угрозы применяются для совершения уголовно наказуемых деяний. Так, в последние годы в сети интернет повысилось число преступлений, совершаемых с применением информации об опасности. В первую очередь, к ним относятся хищение денежных средств, мошенничество. Во-вторых, растет количество экстремистских преступлений. Так, в период с 2012 по 2017 гг. их число увеличилось более чем в два раза, повышаясь в среднем на 15-17 % в год (от 696 в 2012 г. до 1410 в 2016 г.) [4].

Формой подобных преступных действий являются распространение радикальных взглядов политического, религиозного

содержания, а также призывы к совершению террористических действий, участию в экстремистских организациях, движениях [6]. Основным фактором формирования экстремистских установок в сознании интернет-аудитории выступает ксенофобия. Для этого создается информация, в которой осознанно и целенаправленно конструируется представление об опасности, исходящей от людей и социальных групп с иными политическими, религиозными взглядами [16]. Средствами информационного воздействия экстремистов выступают сообщения, изображения, видеофрагменты, в содержании которых представлены образы угрозы.

Участившиеся случаи использования информации о мнимой опасности для управления сознанием и поведением людей привлекают внимание общественности. В современной публицистике поднимаются вопросы ограничения доступа к информации в сети интернет детям [7], поиска стратегий противодействия воздействию угрозы на интернет-аудиторию [15], снижения уровня киберпреступлений [2]. Актуализируются социологические и психологические исследования феномена угрозы, представления об опасности в обществе.

Распространенным способом изучения феномена угрозы выступают оценки угроз в сознании населения [3]. Таким образом измеряются представления людей о политических, религиозных, экономических и криминальных видах опасности [8]. При этом исследователи концентрируются на представлениях об угрозе без оценки субъективных характеристик. Так, при интерпретации результатов факторы пола, возраста, образования, социального статуса не всегда рассматриваются в качестве опосредующих переменных, влияющих на изменение восприятия угрозы [5].

В психологических исследованиях восприятия угроз субъективным переменным

уделяется большее внимание. Оцениваются специфические особенности проявления эмоций в ситуации угрозы мужчинами и женщинами [20], воздействия угроз на детей и подростков [1], рассматриваются индивидуально-типологические характеристики когнитивной [21], эмоциональной сфер [19], влияющие на образ опасности и стратегии совладания с ним [24]. Отечественными исследователями изучается влияние психологических характеристик личности на восприятие угрозы подвергнуться техногенной катастрофе [12], террористическому акту [11]. В частности, Н. В. Тарабриной с коллегами установлено, что переживание информации об опасности подвергнуться нападению террористов ухудшает показатели психологического здоровья, оказывает психотравмирующее воздействие на человека. Ими изучались и психологические особенности людей, воспринимавших эту информацию. Так, определено, что последствия восприятия угрозы зависят от пола – женщины демонстрируют признаки посттравматического стрессового расстройства чаще, чем мужчины. При этом эмоционально нестабильные и интровертированные люди интенсивнее переживают угрозу террористического акта.

Итак, психологические стратегии изучения восприятия опасности опираются на возрастные, половые, культурные особенности человека, учитывают его когнитивные способности и личностные черты. При этом источник опасности имеет конкретное воплощение – он дается в виде ситуации в эксперименте, либо отражен в опыте переживания. Нередко он связан с обстоятельствами проживания, например, угроза землетрясения, засухи, наводнения, техногенной катастрофы в некоторых местах нашей страны является естественным дополнением ситуации жизни. Вне угроз, создаваемых экспериментально, то есть применительно к известным опасностям, человек продумывает определенную стратегию поведения. В ее основе могут лежать личный опыт, специальные занятия и тренировки.

Интересно, что угрозы в информационном пространстве потенциально выходят за пределы опыта человека и не подлежат тренировкам. Как правило, они связаны с риском подвергнуться неведомой болезни, столкнуться с обманом близких людей, пережить внезапную инфляцию, дефолт или революцию. В таких сообщениях не угрожают человеку непосредственно, но угроза осуществима потенциально, в какой-то временной перспективе. Неопределенность наступления опасности в сочетании с ярким представлением ее последствий выступает отличительным признаком угроз информа-

ционной среды. Изучение тематики интернет-угроз позволило нам сгруппировать их в три основные области:

а) интраперсональную область, охватывающую здоровье человека, состояние его тела (потенциальная опасность «заражения», «болезни»);

б) интерперсональную область, описывающую отношения с другими людьми (риск «измены», «обмана»);

в) метаперсональную область, характеризующую проблемы в сфере социально-экономических отношений (риск «дефолта», «инфляция», «увольнения»).

Подобного рода угрозы и используются в целях манипулирования сознанием и поведением интернет-пользователей. Вместе с тем реакция читателя на такие угрозы не всегда является однозначной и простирается от игнорирования до озабоченности. Поиск причин этого привел нас к экспериментальному исследованию восприятия трех описанных разновидностей угроз. Мы полагали, что восприятие информации о неконкретной, неочевидной опасности определяется некоторыми общими закономерностями, связанными с полом, возрастом испытуемых.

В ходе эксперимента испытуемые получали сообщение о трех видах опасности (риска здоровью, репутации, социальному статусу) и выражали свое мнение о них. В результате было установлено, что восприятие угрозы определяется полом и возрастом людей. Эти факторы играют ключевую роль в оценке уровня опасности и выработки действий, направленных на ее преодоление. Помимо этого большое значение на понимание угрозы оказал жизненный опыт. Он имел два вида проявлений: опыт проживания опасностей, выражаемый количеством и разнообразием рискованных ситуаций, а также опыт противодействия угрозе, то есть действий, которые субъект предпринимал для избегания опасности. Было выявлено, что оценка реальности угрозы испытуемыми осуществлялась посредством обращения к собственному опыту совладания с аналогичными опасностями. Также результаты эксперимента выявили опосредованность восприятия и интерпретации опасности индивидуальными характеристиками субъекта. Среди них заметна роль эмоциональной стабильности и способности регулировать проявления эмоций. Обе характеристики влияют на восприятие образа угрозы, которое потом ложится в основу моделирования действий по ее преодолению. В целом, результаты показали, что психологические особенности личности оказывают влияние на восприятие информации об опасности, но более содержатель-

ные выводы в условиях проведенного исследования были невозможны.

Поэтому задачей описываемого в настоящей статье эксперимента стало изучение влияния психологических черт личности – экстраверсии, нейротизма и психотизма – на восприятие информации об угрозе. Такой выбор определен выводами альтернативных исследований, рассматривающих влияние экстраверсии, нейротизма и психотизма на восприятие стрессогенной информации [13]. Выбор стандартизованного самоотчета Eysenck Personality Questionnaire (EPQ) обусловлен относительной простотой теоретического конструкта, применением в эмпирических исследованиях, удовлетворительными показателями прогностической валидности и надежности.

Исследование проводилось под углом зрения когнитивного подхода [10]. В его рамках поведение человека рассматривалось в прямой зависимости от его познавательных способностей – способов восприятия информации, стратегий ее переработки. Люди активны в поиске информации, они общаются и обмениваются ею, учитывая имеющуюся информацию, принимают решения и планируют свои действия. Поэтому последствия восприятия угрозы оценивались на основании представлений испытуемых об угрозе.

Информация об угрозе предъявлялась в монокодовом, текстовом виде, несмотря на то что в современном интернет-пространстве все чаще используется креолизованный, поликодовый текст, включающий видеоизображения, рисуночные образы и текстовые пояснения.

Представление рассматривалось нами на трех условных этапах формирования. Первой стадией выступило восприятие информации об угрозе, второй – осмысление угрозы, третьей – конструирование модели поведения, направленной на преодоление угрозы. Подобное деление имеет условный характер, но позволяет различать этапы осмысления информации об опасности с точки зрения работы с текстом (восприятие), интерпретации информации и визуализации модели действия.

Цель исследования заключалась в изучении влияния психологических особенностей личности на восприятие угрозы и образа поведения в ответ на угрозу.

Гипотезами исследования являлись предположения о том, что проявления экстраверсии, нейротизма и психотизма влияют на восприятие образа угрозы и формирование модели совладающего поведения в ответ на угрозу.

Измеряемые показатели и их параметры. Измерялись вербальные характе-

ристики образа угрозы: параметры восприятия информации, параметры образа действий по преодолению угрозы.

Восприятие угрозы испытуемым оценивалось посредством параметров.

1. Точность понимания / искажение смысла угрозы оценивалось путем соотношения данного испытуемым описания угрозы с текстом, в котором она представлена.

2. Дополнение / упрощение содержания угрозы. Дополнение рассматривалось, когда испытуемый, не снижая точности, расширял описание угрозы: детализировал признаки, вводил временные параметры, обозначал обстоятельства. Упрощение диагностировалось, если испытуемый меньшим количеством слов передавал информацию об опасности, при этом точно характеризовал смысл.

3. Персонализация угрозы. Признаком персонализации принималось использование личных местоимений («Я», «мой», «мои», «мне») или иных указаний на субъекта, читающего угрозу. Отсутствие этих лингвистических маркеров рассматривалось как диссоциация читателя с угрозой.

Образ поведения в ответ на угрозу. Объектом измерения выступал имеющийся у испытуемого опыт преодоления угроз здоровью, репутации и социальному статусу. Способом измерения стал самоотчет испытуемого, заполнявшийся после предъявления угрозы. Он состоял из шести вопросов, сгруппированных в две шкалы: 1) планирование противодействия угрозе и 2) управление действиями в ответ на опасность. Для ответов использовалась шкала Лайкерта. Ответы испытуемых изучались на предмет согласованности.

1. Планирование противодействия угрозе ($X=4,24$, $SD=1,77$) измерялось посредством трех утверждений: «Заранее задумывался о том, как...», «Заранее придумал, что отвечать...», «Я четко планировал последовательность своих действий». Оценка согласованности утверждений проводилась на всей выборке посредством расчета коэффициента α -Кронбаха, а также коэффициентов корреляции между ними. Утверждения обладают достаточной согласованностью (α -Кронб.=0,83, $r=0,44$, $p<0,001$ $n=70$).

2. Управление действиями в ответ на опасность ($X=5,23$, $SD=1,41$) измерялось посредством трех утверждений: «Если результаты не соответствовали моим ожиданиям, то я легко понимал, где допустил ошибку», «При возникновении непредвиденных обстоятельств я легко перестраивал план действий, а если нужно, то и саму цель», «Я сам обдумывал все действия в данной ситуации, не прибегая к помощи окружающих». Оцен-

ка их согласованности удовлетворительная (α -Кронб. $\alpha=0,85$, $r=0,51$, $p<0,001$ $n=70$).

В результате проверки на согласованность и связность вопросов самоотчета мы допустили возможность их обобщения и использования суммарных значений в виде двух показателей: планирование противодействия угрозе и управление действиями в ответ на опасность.

Процедура экспериментального исследования. В ходе эксперимента испытуемому предъявлялась информация об опасности. Всего предъявлялось три вида угроз: здоровью, межличностным отношениям, социальному статусу.

1. Угроза здоровью: *«Говорят, что в городе нашли новый вирус чесотки. Он поражает не всех подряд, а лишь людей с особым типом генов. Он передается даже с кипяченой водой. Симптомы – зуд, высыпания на лице, шее, животе, а у некоторых могут выпасть волосы. Вирус живет 5-6 месяцев, а потом ослабевает».*

2. Угроза социальному статусу: *«Есть новость, что наш институт и студенческие группы скоро могут быть расформированы. Конечно, в этом случае можно легко доучиться в другом вузе, но получить менее престижный диплом».*

3. Угроза репутации: *«Твой знакомый распространяет такие слухи, что от тебя отворачиваются близкие люди и друзья».*

Угрозы предъявлялись испытуемому последовательно, с чередованием. Сразу после прочтения информации об опасности испытуемый опрашивался. Для регистрации ответов использовался специальный бланк, на первом листе которого находился текст угрозы, на последующих – вопросы и задания, обобщенные и сгруппированные в рамках одного листа. Испытуемый самостоятельно прочитывал задание, выполнял его, после чего переворачивал лист и не обращался к нему более. Так происходило и с каждым последующим типом задания. Таким образом определялось представление об угрозе, сформировавшееся у читателя.

Для стимулирования работы использовались письменные инструкции: «Прочитав текст, я в первую очередь подумал о...», «Пока писал, мне пришла еще мысль о...», «И напоследок...». Испытуемый следовал этим инструкциям, свободно описывал свои мысли, переживания, возникшие в связи с прочитанной угрозой. Ответы обрабатывались посредством контент-анализа. Для этого все бланки прочитывались экспериментаторами и на основании разработанных правил интерпретации анализировались отчеты испытуемых.

В течение нескольких дней после эксперимента испытуемый опрашивался с по-

мощью опросника Айзенка (EPQ-R). Он включает в себя 48 пунктов, характеризующих три измерения личности: экстраверсию (высокие значения говорят о направленности личности на общение и взаимодействие с окружающими, стремлении к вовлечению в социальные отношения), психотизм (высокие значения свидетельствуют об агрессивности, неконформности, эгоцентричности, неспособности к эмпатии), нейротизм (высокие значения характеризуют тревожность, эмоциональную напряженность, депрессивность, склонность к самообвинению).

Выборка. В эксперименте участвовали студенты юридического и психологического факультетов юридического института в количестве 70 человек (52 % мужчины, $M = 20$ лет, $SD=2,7$).

Основные результаты. Изложение результатов организовано в соответствии с моделью и гипотезами исследования. Вначале описывается влияние психологических характеристик на восприятие информации об угрозе, а затем – моделирование нейтрализующих опасность действий. Обработка результатов осуществлялась математико-статистическим способом, вычисления проводились посредством программы Statistica 6.0.

1. *Оценка восприятия угрозы под влиянием проявлений экстраверсии / интроверсии, нейротизма и психотизма* осуществлялась методом однофакторного дисперсионного анализа. Многофакторный план, а также оценка эффектов взаимовлияния независимых переменных не использовалась из-за небольшого объема выборки.

1.1. *Влияние экстраверсии / интроверсии на восприятие информации об угрозе.* Оценка проводилась посредством однофакторного дисперсионного анализа. Сопоставлялись результаты испытуемых с выраженной экстраверсией и интроверсией, те, чьи показатели были менее 7 баллов (интроверты, $n=29$) и более 15 баллов (экстраверты, $n=31$). Изучалось воздействие трех видов угроз: здоровью, межличностным отношениям, социальному статусу.

Установлено статистически значимое влияние экстраверсии на восприятие угрозы социальному статусу ($F=3,02$; $p<0,01$). Экстраверты воспринимают информацию точнее, при этом применяют новые слова, раскрывающие смысл и последствия опасности. Интроверты неточно передают смысл и раскрывают последствия опасности. Угрозы взаимоотношениям и здоровью воспринимались экстравертами и интровертами сходным образом, статистически значимых различий в части точности и адекватности восприятия информации не выявлено.

1.2. Влияние нейротизма на восприятие информации об угрозе. Уровень нейротизма в выборке средний ($M=8,87$, $SD=5,18$). Для сопоставления использовались значения первого (от 1 до 4 баллов) и четвертого (от 11 до 19 баллов) квартилей. Оценка осуществлялась методом однофакторного дисперсионного анализа.

Результаты измерения говорят о влиянии нейротизма на восприятие информации о всех видах угроз, использовавшихся в исследовании ($F=2,84$; $p<0,05$). Наиболее высокий вклад нейротизма отмечен при угрозе подвергнуться болезни – сопоставление групп с высоким и низким уровнем нейротизма показало наличие различий ($t=9,91$; $p<0,001$). Испытуемые с низким уровнем нейротизма точно запоминали и воспроизводили подробности угрозы, с высоким – додумывали детали, искажали информацию об опасности.

1.3. Влияние психотизма на восприятие информации об угрозе. Уровень психотизма в выборке исследования преимущественно низкий ($M=5,12$; $SD=3,12$). Для сопоставления нами были сформированы две группы: с низким (от 1 до 3; $n=21$) и высоким (от 10 до 16; $n=18$) уровнем психотизма. Особенности восприятия угрозы в этих группах оценивались с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Проверка гомогенности осуществлялась с помощью критерия Бонферони.

Установлено, что психотизм оказывает статистически значимое влияние на точность восприятия угрозы репутации ($F=2,81$, $p<0,05$). Испытуемые в группе с высоким уровнем психотизма точнее и детальнее описывали угрозу, нежели испытуемые из группы с низким уровнем психотизма.

2. Особенности моделирования действий, совладающих с угрозой, под влиянием экстраверсии / интроверсии, нейротизма и психотизма.

2.1. Влияние экстраверсии / интроверсии на планирование действий по преодолению угроз. Статистически значимого влияния установлено не было. И экстраверты, и интроверты планировали и осуществляли противодействие опасности схожим способом.

2.2. Влияние нейротизма на планирование действий, совладающих с угрозой. Нейротизм влияет на планирование противодействия угрозе. Статистически значимый эффект обнаружен в отношении угрозы здоровью ($F=3,07$, $p<0,05$) и репутации ($F=2,89$, $p<0,05$).

Испытуемые с низким уровнем нейротизма не задумываются о своих действиях в случае опасности, не готовятся к наступлению угрозы. Испытуемые со средним и вы-

соким уровнем нейротизма, напротив, стремятся предсказать опасность, продумывают ответные шаги.

Нейротизм влияет на представление человека о способности преодолеть опасность. Низкий уровень нейротизма придает уверенности – испытуемые говорят о том, что вполне могут избежать болезни ($F=2,94$, $p<0,05$), управлять своим поведением, сохранять репутацию ($F=2,81$, $p<0,05$).

2.3. Влияние психотизма на планирование действий, совладающих с угрозой. Психотизм повлиял на планирование действий в связи с угрозами здоровью и репутации. Высокий уровень планирования свойственен испытуемым с повышенным уровнем психотизма (от 10 до 16 баллов по соответствующей шкале EPQ; $n=18$). Неготовность к планированию, беспечность перед опасностью характерна для испытуемых с низким уровнем психотизма (от 1 до 3 баллов по EPQ; $n=21$). Испытуемые с высоким и низким уровнем психотизма достоверно различались по показателю планирования ($F=2,44$, $p<0,05$). Влияние психотизма на управление совладающим с опасностью поведением в статистически значимом уровне установлено не было.

Обсуждение результатов. Суть исследования заключалась в изучении влияния экстраверсии, нейротизма и психотизма на восприятие угрозы и моделирование действий по ее нейтрализации. Стратегия интерпретации результатов предполагала изолированное изучение роли каждой психологической черты. Рассмотрим результаты через призму психологических и поведенческих характеристик проявлений экстраверсии, нейротизма и психотизма.

Экстраверсия проявляется в социальной направленности личности, стремлении к взаимодействию с обществом и зависимости от окружения [17]. Современные исследования связывают экстраверсию не только с социальной вовлеченностью и контактностью, но и с позитивными установками на восприятие и оптимизмом [28]. В рамках нашего исследования установлено влияние экстраверсии на высокую точность восприятия признаков угрозы, детальность запечатления ее характеристик. Низкие значения по шкале экстраверсии сочетались с поверхностностью запечатления информации об опасности, слабой детализацией. Возможно, неспособность передать признаки угрозы была вызвана низкими показателями вербального интеллекта, слабым словарным запасом испытуемых. Экстраверсия существенно не сказалась на действиях, направленных на совладение с опасностью. Этот результат объясним тем, что измерению подвергались когнитивные стратегии,

которые нерелевантны проявлениям экстраверсии, особенно в части эмоциональности [25].

Нейротизм проявляется в эмоциональной нестабильности, тревожности, самообвинении. В клинических исследованиях высокий уровень нейротизма указывает на предрасположенность человека к тревожным, депрессивным психическим состояниям [22]. Также в экспериментальных исследованиях прослеживается связь нейротизма с воображением и креативностью: люди с высоким уровнем нейротизма ярко и образно представляют ситуацию, глубже понимают ее смысл.

Полученные нами результаты соответствуют имеющимся представлениям о нейротизме. Так, повышенный уровень нейротизма ухудшал восприятие угрозы здоровью, однако риск потери репутации в глазах окружающих или социального статуса не подвергались его влиянию.

В эксперименте нейротизм влиял на восприятие угрозы. Чем выше был его уровень, тем труднее испытуемые запоминали угрозу и понимали ее смысл. Они больше додумывали, чем воспроизводили реальные подробности. Дополнительно нами определено влияние нейротизма на уверенность испытуемых в своей способности преодолеть опасность. Высокий уровень нейротизма сочетался с убеждениями людей о беспомощности, подверженности болезни, неспособности избежать ее или противостоять.

В целом, в эксперименте нейротизм ухудшал оценку опасности и искажал представление о действиях по совладанию с ней. Это согласуется с результатами, полученными Т. Moogadian с коллегами [23], М. Vollrath [27]. Они констатировали, что нейротизм формирует установку на негативную оценку ситуации, пассивность и жертвенную позицию. Проведенное нами исследование расширяет эти представления, поскольку обнаруживает этот эффект при восприятии угроз в информационном пространстве.

Психотизм в социальном поведении людей проявляется в агрессивности, эксцентричности, безразличии к окружающим,

неспособности к сочувствию и в других проявлениях асоциально-социопатического спектра. В современной интерпретации психотизм вызывает проблемы социальной адаптации, нарушения во взаимодействии с обществом [18]. Зарубежные криминальные психологи обнаруживают связь между высоким уровнем психотизма и склонностью к совершению тяжких преступлений [29].

В нашем исследовании установлено влияние психотизма на восприятие информации об угрозе потерять репутацию в глазах окружающих. Испытуемые с высоким уровнем психотизма точно и детально воспринимают сообщение о том, что кто-то из их знакомых распускает порочащие слухи. Такая тенденция не прослеживается в отношении угроз здоровью или социальному статусу. Вероятно, психотические черты вызывают восприимчивость к информации, затрагивающей честь и достоинство человека. Готовность к защите своей репутации поддерживается еще одним установленным нами обстоятельством: лица с высоким психотизмом эффективнее планируют действия, совладающие с опасностью потери репутации.

Можно полагать, что фактор психотизма способствует сосредоточению внимания человека на образе «Я» в глазах окружающих и готовности реагировать на его искажение. При этом, как отмечают исследователи, ответные действия лиц с повышенным уровнем психотизма характеризуются целенаправленностью, силой и безжалостностью [26].

Таким образом, полученные результаты показывают, что экстраверсия, нейротизм и психотизм выступают медиаторами восприятия риска здоровью, социальному статусу и репутации. Нейротизм и психотизм оказывают влияние на точность восприятия угроз здоровью и репутации, а также на моделирование представлений о действиях по совладанию с угрозой. В целом, результаты эксперимента уточняют представление о роли психологических черт личности при оценке эффекта влияния информации на человека и его поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вещикова М. И. Обзор исследований восприятия опасности и перспективы его изучения в клинической психологии развития [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 6. – № 4. – Режим доступа: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Veshchikova.phtml> (дата обращения: 28.01.2017).
2. Гольчевский Ю. В., Некрасов А. Н. К вопросу о кибербезопасности интернет-пользователей // Известия Тульского гос. ун-та. Технические науки. – 2013. – № 3. – С. 235–261.
3. Задорин И., Шубина Л. Восприятие социальных рисков и угроз: тревожное сознание в странах СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/socials.xml?lang=ru&nic=socials&pid=22> (дата обращения: 29.01.2017).
4. Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 01.02.2017).
5. Карта страхов россиян: страх отступает? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116046> (дата обращения: 01.02.2017).

6. Косарев М. Н., Гришин Д. А. Терроризм: уголовно-правовая и криминологическая характеристика / Урал. гуманитар. ин-т. – Екатеринбург : УрГИ, 2010. – 111 с.
7. Меликова Н. Д. Влияние интернета на психику детей [Электронный ресурс] // Universum: Психология и образование. – 2015. – № 11-12(20). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/2822> (дата обращения: 29.01.2017).
8. Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Гончарова Н. П. Особенности восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности // Известия Алтайского гос. университета. – 2012. – №2/1(74). – С. 211-215.
9. Парфентьев У. Опасный контент в Рунете по данным Национального узла интернет-безопасности в России // Дети в информационном обществе. Моя безопасная сеть: Интернет глазами детей и подростков. Информационный бюллетень года безопасного интернета в России. Вып. 1. – М., 2009. – С. 39-43.
10. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. – 1996. – 600 с.
11. Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Ворона О. А. Социально-психологические характеристики как предикторы психологического неблагополучия личности перед лицом террористической угрозы // Ученые записки Забайкальского гос. гуманитарно-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Серия. Философия, Культурология, Социология, Социальная работа. – 2010. – № 4 (27). – С. 86-94.
12. Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О., Зеленова М. Е. Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС // Психол. журн. – 1994. – Т. 15. – № 5. – С. 67-77.
13. Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Современное состояние психологических исследований террористической угрозы [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. – 2011. – № 5. – Режим доступа: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 01.03.2017).
14. Терских М. В. Речевой жанр угрозы в дискурсе политической и торговой рекламы // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3.
15. Хохлова Н. И. Обеспечение детской безопасности в интернете: российский опыт и зарубежные инициативы // Пространство и Время. – 2012. – № 1. – С. 87-92.
16. Экстремистский текст и деструктивная личность : монография / Антонова Ю. А. и др. ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 272 с.
17. Costa P. T., McCrae R. R. Four ways five factors are basic // Personality and individual differences. – 1992. – № 13(6). – P. 653-665.
18. Heath A. C., Martin N. G. Psychoticism as a dimension of personality: A multivariate genetic test of Eysenck and Eysenck's psychoticism construct // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – № 58. – P. 111-121.
19. Ioannou K., Fox J. R. E. Perception of threat from emotions and its role // Poor Emotional Expression within Eating Pathology // Clinical Psychology Psychotherapy. – 2009. – №16. – P. 336-347.
20. Kring A. M., Gordon A. H. Sex differences in emotion: expression, experience, and physiology // Journal Personality Social Psychology. – 1998. – № 74. – P. 686-703
21. LoBue V. Deconstructing the snake: The relative roles of perception, cognition, and emotion on threat detection // Emotion. – 2014. – №14. – P. 701-711.
22. McCrae R. Controlling neuroticism in the measurement of stress // Stress Medicine. – 1990. – № 6 (3). – P. 237-241.
23. Mooradian T., Olver J. Neuroticism, affect and post purchase processes // Advances in Consumer Research. – 1994. – № 21 (1). – P. 595-600.
24. Muris P., de Jong P. J., Suvrijn A. Monitoring, imagery, and perception of threat // Personality and Individual Differences. – 1995. – № 18 (6). – P. 749-759.
25. Nemanick Jr. R., Munz D. Extraversion and neuroticism, trait mood, and state affect: A hierarchical relationship // Journal of Social Behavior & Personality. – 1997. – № 12 (4). – P. 1079-1092.
26. Perkins A. M., Corr P. I. Reactions to threat and personality: psychometric differentiation of intensity and direction dimensions of human defensive behaviour // Behavior Brain Research. – 2011. – № 169. – P. 21-28.
27. Vollrath M. Personality and stress // Scandinavian Journal of Psychology. – 2001. – № 42(4). – P. 335-347.
28. Watson D., Clark L. A. Extraversion and its positive emotional core // R. Hogan, J. Johnson, S. Briggs. Handbook of Personality Psychology. – San Diego, CA : Academic Press, 1997. – P. 767-794.
29. Woodworth M., Porter S. In cold blood: Characteristics of criminal homicides as a function of psychopathy // Journal of Abnormal Psychology. – 2002. – № 111 (3). – P. 436-445.

REFERENCES

1. Veshchikova M. I. Obzor issledovaniy vospriyatiya opasnosti i perspektivy ego izucheniya v klinicheskoy psikhologii razvitiya [Elektronnyy resurs] // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. – 2014. – Т. 6. – № 4. – Режим доступа: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Veshchikova.phtml> (дата обращения: 28.01.2017).
2. Gol'chevskiy Yu. V., Nekrasov A. N. K voprosu o kiberbezopasnosti internet-pol'zovateley // Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. Tekhnicheskie nauki. – 2013. – № 3. – S. 235-261.
3. Zadorin I., Shubina L. Vospriyatie sotsial'nykh riskov i ugroz: trevozhnoe soznanie v stranakh SNG [Elektronnyy resurs]. – Режим доступа: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/socials.xml?lang=ru&nic=socials&pid=22> (дата обращения: 29.01.2017).
4. Zaregistrovano prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti [Elektronnyy resurs]. – Режим доступа: http://www.crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 01.02.2017).
5. Karta strakhov rossiyan: strakh otstupayet? [Elektronnyy resurs]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116046> (дата обращения: 01.02.2017).
6. Kosarev M. N., Grishin D. A. Terrorizm: ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika / Ural. гуманитар. ин-т. – Екатеринбург : УрГИ, 2010. – 111 с.

7. Melikova N. D. Vliyaniye interneta na psikhiku detey [Elektronnyy resurs] // Universum: Psikhologiya i obrazovanie. – 2015. – № 11-12(20). – Rezhim dostupa: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/2822> (data obrashcheniya: 29.01.2017).
8. Noyanzina O. E., Maksimova S. G., Goncharova N. P. Osobennosti vospriyatiya riska v strukture otsenki lichnoy i sotsial'noy bezopasnosti // Izvestiya Altayskogo gos. universiteta. – 2012. – №2/1(74). – S. 211-215.
9. Parfent'ev U. Opasnyy kontent v Runete po dannym Natsional'nogo uzla internet-bezopasnosti v Rossii // Deti v informatsionnom obshchestve. Moya bezopasnaya set': Internet glazami detey i podrostkov. Informatsionnyy byulleten' goda bezopasnogo interneta v Rossii. Vyp. 1. – M., 2009. – S. 39-43.
10. Solso R. L. Kognitivnaya psikhologiya. – 1996. – 600 s.
11. Tarabrina N. V., Bykhovets Yu. V., Vorona O. A. Sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki kak prediktory psikhologicheskogo neblagopoluchiya lichnosti pered litsom terroristicheskoy ugrozy // Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gos. gumanitarno-ped. un-ta im. N. G. Chernyshevskogo. Seriya. Filosofiya, Kul'turologiya, Sotsiologiya, Sotsial'naya rabota. – 2010. – № 4 (27). – S. 86-94.
12. Tarabrina N. V., Lazebnaya E. O., Zelenova M. E. Psikhologicheskie osobennosti posttravmaticheskikh stressovykh sostoyaniy u likvidatorov posledstviy avarii na ChAES // Psikhol. zhurn. – 1994. – T. 15. – № 5. – S. 67-77.
13. Tarabrina N. V., Bykhovets Yu. V. Sovremennoe sostoyanie psikhologicheskikh issledovaniy terroristicheskoy ugrozy [Elektronnyy resurs] // Meditsinskaya psikhologiya v Rossii. – 2011. – № 5. – Rezhim dostupa: <http://medpsy.ru> (data obrashcheniya: 01.03.2017).
14. Terskikh M. V. Rechevoy zhanr ugrozy v diskurse politicheskoy i torgovoy reklamy // Politicheskaya lingvistika. – 2011. – № 3.
15. Khokhlova N. I. Obespechenie detskoй bezopasnosti v internete: rossiyskiy opyt i zarubezhnye initsiativy // Prostranstvo i Vremya. – 2012. – № 1. – S. 87-92.
16. Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost' : monografiya / Antonova Yu. A. i dr. ; Ural. gos. ped. un-t. – Ekaterinburg, 2014. – 272 s.
17. Costa P. T., McCrae R. R. Four ways five factors are basic // Personality and individual differences. – 1992. – № 13(6). – P. 653-665.
18. Heath A. C., Martin N. G. Psychoticism as a dimension of personality: A multivariate genetic test of Eysenck and Eysenck's psychoticism construct // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – № 58. – P. 111-121.
19. Ioannou K., Fox J. R. E. Perception of threat from emotions and its role // Poor Emotional Expression within Eating Pathology // Clinical Psychology Psychotherapy. – 2009. – №16. – P. 336-347.
20. Kring A. M., Gordon A. H. Sex differences in emotion: expression, experience, and physiology // Journal Personality Social Psychology. – 1998. – № 74. – P. 686-703
21. LoBue V. Deconstructing the snake: The relative roles of perception, cognition, and emotion on threat detection // Emotion. – 2014. – №14. – P. 701-711.
22. McCrae R. Controlling neuroticism in the measurement of stress // Stress Medicine. – 1990. – № 6 (3). – P. 237-241.
23. Mooradian T., Olver J. Neuroticism, affect and post purchase processes // Advances in Consumer Research. – 1994. – № 21 (1). – R. 595-600.
24. Muris P., de Jong P. J., Suvrijn A. Monitoring, imagery, and perception of threat // Personality and Individual Differences. – 1995. – № 18 (6). – P. 749-759.
25. Nemanick Jr. R., Munz D. Extraversion and neuroticism, trait mood, and state affect: A hierarchical relationship // Journal of Social Behavior & Personality. – 1997. – № 12 (4). – R. 1079-1092.
26. Perkins A. M., Corr P. I. Reactions to threat and personality: psychometric differentiation of intensity and direction dimensions of human defensive behaviour // Behavior Brain Resourse. – 2011. – № 169. – R. 21-28.
27. Vollrath M. Personality and stress // Scandinavian Journal of Psychology. – 2001. – № 42(4). – P. 335-347.
28. Watson D., Clark L. A. Extraversion and its positive emotional core // R. Hogan, J. Johnson, S. Briggs. Handbook of Personality Psychology. – San Diego, CA : Academic Press, 1997. – P. 767-794.
29. Woodworth M., Porter S. In cold blood: Characteristics of criminal homicides as a function of psychopathy // Journal of Abnormal Psychology. – 2002. – № 111 (3). – P. 436-445.